

КНИЖКА Алексея Баталова и Маргариты Кваснецкой «Диалоги в антракте» — названа ими точно и, более того, предусматривательно. Название указывает не только на построение вещи, на характер ее, но предопределяет наше к ней отношение. В последнем и есть предусмотрительность, ибо, начин мы думать о «Диалогах...» как о книге теоретической, нам многого бы в ней не хватило. Но поскольку это диалоги в антракте, в перерыве между главным делом Баталова — занятием искусством, — то и настроить себя следует на соответствующий лад. Не ждать того, что в этой книге быть не должно, но искать непринужденности, искренности, субъективности — хотя бы в смысле отсутствия общих мест, к которым мы хоть и относимся снисходительно, но которые тем не менее из поля зрения опускаем.

В «Диалогах...» общих мест нет, при том что случаются приблизительные суждения. Но они действительно лишь случаются, никак не определяя характер написанного в целом. В целом же он, со стороны Баталова, определяется тем, что Баталов знает, каким серьезным и сложным делом занимается, а со стороны Кваснецкой — желанием эту позицию закрепить в нашем сознании — сознании читателя. Она стремится к этому не столько ради самого Баталова — хотя и ради него тоже, — сколько ради искусства, которое, по представлению авторов «Диалогов...», не терпит фамильярного к себе отношения.

О последнем вроде бы не стоило и упоминать, но только вроде бы. В реальности мы встречаем немало такого, что именно о панибратстве, о фамильярности свидетель-

ствует, а коль скоро у самих «жрецов искусства» оно не встречает должного к себе отношения, то что спрашивать от людей сторонних? Вне зависимости от того, как сложится в дальнейшем творческая судьба Баталова — легко или трудно, счастливо или несчастливо, — всякий, прочитавший эту книжку, с полным основанием сможет сказать, что сим-

догадается, кого имеет Баталов в виду, когда пишет «он». Речь идет о Василии Макаровиче Шукшине и о «Калине красной», и написаны эти слова до того, как Шукшина не стало, до того, как подлинная величина этого художника и человека как бы вдруг, неоспоримо и наглядно открылась для всех. Баталов ощутил ее раньше, и ощутил не слу-

того, чтобы эта высокая фраза не прозвучала декларативно. Говоря так, мы прежде всего имеем в виду ее желание представить творческий путь Алексея Баталова во всей его нелегкой реальности. Ведь все у него могло сложиться гораздо удачливее — внешне, во всяком случае, — если бы сам Баталов не ставил преграду на пути этой своей «удачи». То есть

О чем говорят в антракте

СРЕДИ КНИГ

патии его не напрасно были отданы в свое время именно этому актеру.

Что позволяет утверждать это — утверждать даже и в том случае, если бы нам не были известны актерские и режиссерские работы Баталова? Ни «Летят журавли», ни «Дама с собачкой», ни «Дело Румянцева», ни «Девя дней одного года», ни «Шинель», ни «Игрок»... Тон и направленность всех его выступлений («Вечный антракт» о Борисе Добронравове, «Формула таланта» об Иннокентии Смоктуновском и некоторые другие были опубликованы в «Комсомольской правде»).

В статье «Судьба и ремесло» есть такие строки: «Личность автора, его собственная судьба обеспечивают каждый метр пленки, как золото незримо обеспечивает бумажные деньги...» — и дальше: «Именно в творчестве он предстает наиболее открытым и не считает нужным скрывать ни своих пороков, ни своих привязанностей, ни своего отношения ко всему, что совершается вокруг. Только истинному художнику под силу столь изнурительный и честный труд».

Каждый теперь, пожалуй,

чайню. Шукшин совершил в искусстве то, к чему Баталов стремился и стремится, чему старается быть верен, что остро замечает и чему открыто радуется у других.

Что это так, что Баталов не просто вежлив, но заинтересован и искренен, — об этом свидетельствует не только факт появления воспоминаний о М. И. Ромме, К. Г. Паустовском, Б. Г. Добронравове, рассказ об И. Е. Хейфице и старейших работниках Художественного театра портном С. Валдаеве, короле театральнх чудес В. Попове, суфлере Г. Водяницком, но и то, чем эти люди для автора дороги и необыкновенны. Не талантом, как это ни парадоксально звучит, коль скоро надо утвердить в нашем мнении людей искусства, но преданностью делу, осознанием того, что оно — не род занятий, но судьба. Судьба, которая требует от них «...мужества, силы и таланта остаться до конца верным этой живой натуре (читай: жизни, правде. — Н. Л.), своей совести и убеждениям».

Этими словами А. Баталов заканчивает «Диалоги...», а начинает их М. Кваснецкая, которая немало сделала для

если бы он снимался и снимался, памятуя, что жизнь человеческая недлинка, а жизнь актера еще короче и что надо этот короткий миг ловить, не мудрствуя лукаво и не испытывая нравственных неудобств от того, что тот или иной сценарий не столько соответствует действительности, сколько стандарту.

М. Кваснецкая открывает нам причину баталовской неуступчивости, связывая воедино его зрелые, прочувствованные убеждения с теми, что были воспитаны в нем с детства. В артистической, художнической среде и семье Баталовых искусство воспринималось как предназначение жизни, вне зависимости от того, дарует ли эта жизнь славу или утешит сознанием выполненного долга.

Критик не скрывает от нас, да и от своего героя тоже, что примирить желаемое с достигнутым ему не всегда удается, но «Диалоги...» убеждают нас и в закономерности избранного Баталовым пути. И в том, что этот путь более тернистый, чем радостный, так хочется сказать, в итоге даст и большую жатву.

Н. ЛОРДКИПАНИДЗЕ.

* Алексей Баталов, Маргарита Кваснецкая. Диалоги в антракте. «Искусство». М., 1975.